

— Нуан-Нуан тоже очень симпатичная!

Я посмотрел на них двоих. В этом классе занимались сразу два потока, и он не был таким просторным, как мультимедийная аудитория. Скрывать их шуры-муры и перемигивания было невозможно, это неизбежно отвлекало остальных, поэтому я молча ждал, пока они закончат.

Сосед по парте подтолкнул Гао Яна локтем, и тот наконец оглянулся и виновато бросил на меня взгляд:

— Простите, учитель.

— Всё наговорились? Можно начинать урок? — холодно спросил я.

Хоть у меня и мягкий характер, я прекрасно знаю, что эти дети склонны садиться на шею, поэтому на время своих занятий становлюсь непреклонен. На объяснение нового материала по специальности я отвожу ровно один урок — в течение него все обязаны сидеть тихо и внимательно, а вот на следующем уроке делайте что хотите.

Гао Ян кашлянул и кивнул:

— Учитель, я больше не буду разговаривать.

Разговаривать-то он прекратил, но телефон звонил без конца. Каждый раз он суетливо и панически тыкал в экран — судя по всему, аппарат действительно был новый, и все эти мелодии WeChat и входящих вызовов еще не были отключены. Он виновато и глуповато улыбнулся мне:

— Простите, учитель, я сейчас же зайду в настройки и вырублю эту мерзкую музыку, жутко раздражает!

Я кивнул, не став говорить, что эту самую «мерзкую музыку» написал я. Написал для Ноя.

Моя специализация — музыка. Если не считать крошечной толики отцовских генов, я не умею больше ровным счетом ничего, поэтому все эти три года писал для бренда Ной, принадлежащего Линь Цзинь, тематические треки к новым линейкам. Получалось не сказать чтобы шедеврально, но Линь Цзинь ради приличия использовал абсолютно всё. Благодаря его неустанным усилиям по продвижению эти песни даже стали популярными — хотя теперь, надо полагать, превратились в ту самую «мерзкую музыку».

Возможно, пройдет совсем немного времени, и бренд Ной тоже постепенно забудется широкой публикой.

Опомнившись, я продолжил урок. Скоро я выпускаюсь и, судя по всему, останусь работать в университете на кафедре, поэтому руководство уже поручило мне вести несколько пар. После занятий, по дороге домой, я случайно заглянул в фирменный магазин Шэнши — он располагался на моем пути. Я задержался у витрины, привлеченный сменившимся стилем

оформления. Раньше здесь находился булавчик Ноя... о да, теперь ведь Ной принадлежит Шэнши, просто я еще не успел перестроиться. Прежний стиль Ноя тяготел к роскоши, в то время как Шэнши транслировало совершенно иное — ощущение космоса. Это трудно назвать роскошью, но размах поистине грандиозен, что вполне отвечает самому названию корпорации — Шэнши, Процветающий мир.

Загорелся зеленый свет, я больше не стал разглядывать витрину и пошел дальше.

Я искренне полагал, что больше никогда не буду пересекаться с этим брендом, но совершенно неожиданно со мной связался сотрудник отдела отбора продукции Шэнши и предложил при личной встрече обсудить вопросы, касающиеся авторских прав на мои музыкальные композиции. Пообещав, что это не займет много моего времени, они назначили встречу в кафе неподалеку от университета.

Следуя за официантом на второй этаж, я заметил Шэн Чаннью. Я никак не ожидал, что Шэн Чаннья явится лично. Его недавнее выступление с лекцией в университете привлекло тысячи зрителей, и студенты до сих пор вовсю обсуждали его внешность. Обсуждения кипели страстные, куда более горячие, чем те, что доставались мне, так что волей-неволе я кое-что услышал и даже запомнил.

Это просто невероятно, чтобы глава Шэнши был настолько молодым и при этом до безумия красивым! Самая настоящая несправедливость небес! У него явно какие-то читерские гены! Он же вылитый властный гендиректор из какого-нибудь романтического сериала!

Неудивительно, что в тот день столько народу ломилось на его выступление! Подумать только, техническая презентация, а в зале преобладают девчонки — явно же преследовали совсем другие цели!

Шэн Чаннья прочитал всего две лекции, а студенты перемывали ему кости уже полмесяца, причем интерес к его персоне не угасал ни на день — популярность уже вполне соперничала со звездной.

И вот этот обладатель читерских генов сидел в университетском кафе, выглядя здесь чужеродно, или, вернее сказать, чересчур заметно. Даже в самом уединенном углу он неизменно приковывал к себе взгляды.

Время было сразу после пар, студенты разбрелись по столовым, так что на втором этаже кафе посетителей оказалось немного. Я замедлил шаги у входа, и Шэн Чаннья тут же поднялся мне навстречу.

То, что Шэн Чаннья лично приехал улаживать вопросы с моими авторскими правами, объяснялось, скорее всего, либо моим прошлым знакомством с семьей Линь, либо связью с семьей Цинь.

Хотя в этом не было никакой необходимости — рабочие вопросы следует решать в рабочем порядке, да и к тому же ни то, ни другое уже не имело ко мне никакого отношения. Тем не менее раз уж он приехал собственной персоной, я подошел ближе:

— Прошу прощения за опоздание. Не ожидал, что господин Шэн приедет лично.

Шэн Чанняянь уже встал и протянул мне руку:

— Ничего страшного, я и сам только что прибыл. Я попросил ассистента уточнить ваше расписание, надеюсь, мы не нарушили ваши планы?

Я пожал ему руку:

— Нет, занятия уже закончились.

Затем я пожал руку его помощнику:

— Благодарю за заботу.

Помощник с первого взгляда производил впечатление человека элитного круга — отправлять такого специалиста разбираться с моими авторскими правами выглядело стрельбой из пушки по воробьям.

Помощник лишь вежливо улыбнулся мне:

— Господин Цинь, вы излишне скромничаете.

— Прошу, садитесь. Что будете заказывать? — Шэн Чанняянь отодвинул для меня стул. Он вел себя крайне галантно, и я поблагодарил его.

Выбранный им столик находился у самого окна, откуда открывался вид на широкую проезжую часть и свежо зазеленевшие кроны платанов. Наш университет славился вековой историей, поэтому окрестности утопали в зелени, а два ряда исполинских платанов дружно покрывались молодыми клейкими листочками.

Уже наступила весна, деревья, дремавшие всю зиму, пробуждались к жизни, и пушистые почки на ветках платанов одна за другой проклевывались наружу, наполняя пейзаж особой, живительной силой.

Официант быстро принес кофе и десерт. Сделав мне жест рукой, приглашающий угощаться, Шэн Чанняянь без лишних предисловий перешел к делу:

— Я приехал сюда, чтобы обсудить с господином Цинем авторские права на двенадцать композиций, написанных вами для смартфонов Ной.

Его помощник положил передо мной папку с документами, а Шэн Чанняянь с улыбкой уточнил:

— Все эти двенадцать треков созданы господином Цинем, верно?

Я бросил взгляд на бумаги. Под этими мелодиями никогда не стояло моего имени; когда я писал их для бренда Линь Цзинь, это была чистой воды безвозмездная помощь, и никаких официальных договоров мы не подписывали — подразумевалось, что права автоматически переходят к нему. Музыка для мобильного телефона не играет решающей роли: конечно, каждая фирменная мелодия звонка уникальна, но вполне можно обойтись и без нее, ведь многие пользователи сразу меняют стандартные звуки на любимые песни. Впрочем, те, кому лень возиться с настройками, нуждаются в приятном уху звуке вызова.

В те годы Линь Цзинь внедрил мои композиции во всю свою электронику — смартфоны, планшеты и даже ноутбуки — исключительно из стремления сделать мне приятное. В конце концов, это было единственное, чем я мог ему помочь. Подобная практика вовсе не была эксклюзивом Ноя, другие бренды тоже использовали фирменные мелодии, но обычно предпочитали нанимать известных композиторов.

Судя по этому нюансу, Шэн Чанняянь действительно руководил компанией с невероятной педантичностью — они уделили внимание даже таким мелочам, как фирменные рингтоны для телефонов.

Поэтому я кивнул Шэн Чанняяню:

— Да, их написал я.

Он слегка улыбнулся:

— Господин Цинь превосходно пишет музыку, когда я впервые услышал их, они мне очень понравились.

Он выразился весьма учтиво, и я ответил ему вежливой улыбкой:

— Благодарю, господин Шэн излишне хвалит меня. Вы приехали сегодня, чтобы расторгнуть соглашение?

Тогда мы ничего не подписывали, но раз уж Шэнши ведет дела столь осмотрительно, я собирался максимально пойти им навстречу.

Шэн Чанняянь внимательно посмотрел на меня:

— Отнюдь. Я хочу предложить господину Циню продолжить сотрудничество. Созданные вами композиции идеально подходят под концепцию нашего продукта.

Я опустил кофейную ложечку и уставился на него:

— Сотрудничество?

Разве сейчас мало музыкантов, желающих писать песни для Шэнши? Разве он не может нанять любую звезду?

Неужели всё дело в семье Цинь? Нося эту фамилию, я действительно пользуюсь определенными привилегиями.

Шэн Чанняян кивнул:

— Именно так. Если господин Цинь согласен, Шэнши готов выкупить ваши авторские права по высокой цене. Мы будем искренне рады дальнейшей совместной работе.

В дальнейшей совместной работе не было никакой необходимости. Те песни создавались для Ноя, но теперь Ной принадлежит Шэнши, а значит, и музыка теперь целиком их. Линь Цзинь бросил Ной, но в прошлом бренд принадлежал ему; теперь же всё изменилось.

Поэтому я улыбнулся Шэн Чанняяну:

— Господин Шэн, прошу меня извинить. Для меня огромная честь, что Шэнши столь высоко оценивает мое творчество, но сейчас я полностью поглощен учебой и, боюсь, у меня совершенно не останется времени на сочинение музыки. Уверен, Шэнши без труда найдет более подходящую кандидатуру.

После моих слов помощник Шэн Чанняян бросил на меня быстрый взгляд — в его глазах промелькнуло удивление, которое он тут же тщательно скрыл.

А сам Шэн Чанняян молча смотрел на меня, лицо его оставалось беспристрастным. Я говорил чистую правду: Шэнши — крупный бренд, пользующийся безупречной репутацией во всем мире, им следовало бы привлечь профессионального композитора, а не идти на поводу у вежливости ради сотрудничества со мной. Тот факт, что он приехал лично ради урегулирования вопроса с правами, уже красноречиво свидетельствовал об их искренности.

Я улыбнулся ему и добавил:

— Если Шэнши все же захочет использовать эти треки, я готов полностью передать все уже написанные песни в дар компании.

Я указал на лежащие передо мной документы. Права на песни, созданные мной для Ноя в прошлом, переходили к ним вместе с поглощенным брендом. Будут ли они использовать их в дальнейшем — это уже их дело, но вопрос с авторскими правами стоило прояснить на берегу.

Шэн Чанняян сцепил пальцы в замок и слегка улыбнулся мне:

— В таком случае премного благодарен. Есть ли у господина Циня какие-то пожелания

касательно упоминания авторства при продвижении этих композиций?

Его вопрос прозвучал очень детально, видимо, он уловил мою мысль, и я кивнул:

— Если ваша компания планирует рекламную кампанию, пожалуйста, не упоминайте мое имя.

В те времена, когда существовал Ной, мое настоящее имя тоже нигде не фигурировало. Причина крылась вовсе не в нежелании Линь Цзинь меня рекламировать, а в моем собственном отказе. Мой дедушка из семьи Цинь терпеть не может артистов и певцов.

Дедушка до сих пор не пускает на порог моего отца исключительно из-за его карьеры эстрадного исполнителя и участия в развлекательных шоу. Никто в доме никогда не смотрит передачи с участием отца или матери, а произносить их имена вслух запрещено без крайней необходимости.

Шэн Чанняянхь взглянул на меня:

— Хорошо, я понял. Чэнь Дун, — он повернулся к своему помощнику, — передай сотрудникам отдела отбора, чтобы были внимательны: оставляем прежнее имя — Чанлэ.

Это было вроде моего псевдонима. Его придумал Линь Цзинь. Меня зовут Цинь Цяньйюй, это имя взято из «Книги песен»: «Мелко — глубоко, радости нет конца».

Убедившись, что помощник Чэнь записал указание, он с улыбкой спросил меня:

— Есть ли еще какие-то нюансы, на которые нам стоит обратить внимание?

Я покачал головой:

— У меня больше нет вопросов. Тогда, господин Шэн, у вас найдется еще какое-то дело ко мне?

Шэн Чанняянхь положил сцепленные руки на стол и, глядя на меня, улыбнулся:

— Раз господин Цинь безвозмездно передал Шэнши свои работы, в знак признательности я бы хотел пригласить вас на обед. Надеюсь, вы не откажете мне в этой чести.

— Вы слишком любезны, господин Шэн, это сущая мелочь, не стоит беспокоиться.

Подобные светские обеды казались мне слишком утомительными. Уставал не от самого Шэн Чанняянхь — уставал я сам. Мы были чужими людьми, между которыми витал призрак прошлых отношений, поэтому любая беседа требовала предельной вежливости, от которой к концу начинало рябить в глазах.